

В. Я. МАУЛЬ

ПРОТОКОЛЫ ДОПРОСОВ ПУГАЧЕВЦЕВ В ЗЕРКАЛЕ НОВОЙ ПАРАДИГМЫ ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЯ

В статье предпринята попытка реабилитировать в глазах научного сообщества познавательные возможности опубликованных источников, доказать правомерность и эффективность изучения на их основе различных фрагментов прошлого с помощью культурологически ориентированной исследовательской методологии, восходящей к творчеству А.С. Лаппо-Данилевского и его последователей. Показана возможность конструирования принципиально новых образов русского бунта, когда на первый план выдвигается не событийная, а эмотивная составляющие народного протеста.

Ключевые слова: А.С. Лаппо-Данилевский, методология источниковедения, пугачевский бунт, судебно-следственные материалы.

Начну с болезненного, прежде всего для «провинциальных» ученых вопроса о допустимости написания исторических трудов на основе только опубликованных источников. Не секрет, что отсутствие в арсенале историка архивных документов многими исследователями всегда признавалось и признается сегодня своего рода источниковедческим моветоном. Невольно позавидуешь столичным коллегам, которым для проникновения в бесценные кладовые архивов достаточно проехать лишь несколько станций метрополитена. Но «монополия на архивы» помимо явных преимуществ имеет и отрицательную сторону. В данном случае она нередко является сдерживающим фактором плодотворного развития методики и методологии науки, ибо сохраняет априорную убежденность «монополистов», что главная источниковедческая задача заключается в том, чтобы найти в архиве еще один неизвестный документ или несколько. Радость открытия невольно вызывает эффект «головокружения от успехов», и такая деятельность постепенно превращается в самоценность, требующую только атрибутировать найденные источники по классическим шаблонам: выяснить «вопросы, связанные с их происхождением, установлением степени полноты и достоверности сообщаемых свидетельств, биографической атрибуции упоминаемых лиц, установлением и уточнением дат событий». Необходимо также определить «известную типологическую общность происхождения и формуляра этих документов»¹.

Потом остается последовательно изложить содержащиеся в найденных источниках новые факты, подвергнуть всю их совокупность компаративной и статистической обработке, и дело сделано. Затем, конечно,

¹ Овчинников. 1995. С. 4.

следует опубликовать обнаруженные документы, чтобы навечно застолбить за собой славу первооткрывателя. Все, теперь можно «умывать руки» и браться за дальнейшие увлекательные поиски в архивных коллекциях. По своей теме знаю, что особенно характерной такая позиция является для многих историков-русистов, по-прежнему, как и в советское время, считающих излишним «обременять» себя «заумными» эпистемологическими экзерцициями. И если в эпоху господства «единственно верной методологии» их можно было понять, то сегодня такой методологический индифферентизм явно идет во вред научной результативности.

Принципиально иначе обстоит дело для тех ученых, кому пришлось бы преодолевать многие тысячи километров для того, чтобы оказаться в стенах РГАДА, РГВИА, ГАРФ и т.п. Понятно, что исследователи «из глубинки» чаще всего лишены заманчивой прелести собственноручно стряхивать с архивных фолиантов скопившуюся на них пыль веков, вдыхая полной грудью сладостный аромат «преданья старины глубокой». Значит ли это, что им «на откуп», в лучшем случае, можно оставить только региональный компонент прошлого? Полагаю, что такая постановка вопроса не всегда выглядит правомерной. При указанном ограниченном понимании источниковедческих потребностей историк вне зависимости от его прописки будет в основном ориентироваться на решение прагматичных задач восстановления прошлого таким, каким «оно было на самом деле». Эфемерность подобных усилий уже давно доказана исторической наукой, «история в этом смысле недоступна нашему познанию. Восстановить картину того фрагмента прошлого, который мы исследуем, во всей полноте и бесконечном многообразии, во всех его бесчисленных связях и переплетениях нам не дано»².

Ситуация принципиально изменится, если принять во внимание, сделанное А.С. Лаппо-Данилевским открытие социокультурной природы исторических источников. Он пришел к выводу, «что исторический источник есть реализованный продукт человеческой психики, пригодный для изучения фактов с историческим значением»³. В результате поменялось само понимание источника, «вдруг» наполнившееся культурологическими дефинициями. В этой связи О.М. Медушевская отмечала: «Ключевым моментом источниковедческой парадигмы методологии истории является понятие источника как продукта целенаправленной человеческой деятельности, явления культуры»⁴.

² Гуревич. 1996. С. 85.

³ Лаппо-Данилевский. 2006. С. 292.

⁴ Источниковедение. Теория. История. Метод... 1998. С. 26.

Стало очевидным, что для адекватного представления об изучаемом событии или явлении необходимо рассматривать источники как имманентно обусловленную социокультурную целостность, учитывать особенности мировоззрения, характер и интересы их авторов. Несомненно, источники – это не просто носители исторической информации, они сами являются органичным фрагментом былых времен. Когда объективная реальность прошлого будет рассматриваться как совокупность множества субъективных смыслов его участников, тогда на первый план будут выходить интерпретация текста и его культурное целеполагание. В ходе данной познавательной процедуры используется широкий спектр общенаучных и специальных методов, определяются запечатленные документом ценности и идеалы культуры, к которой он принадлежит, что позволяет более полноценно понять содержание самого источника и реконструируемый на его основе эпизод прошлого.

В таком смысле у историков-«провинциалов» появляется неплохой шанс изучать не только, допустим, развитие Западно-Сибирского нефтегазового комплекса или становление золотодобычи на Колыме, но и «большую историю» сквозь призму опубликованных источников, поскольку они так же, как и архивная их версия, передают текст и содержательный колорит документа. Многое, правда, зависит от научного качества публикации, но ответственность за нее целиком ложится на плечи публикатора, а потому внутри корпорации историков должна царить атмосфера взаимного уважения. Применительно к рассматриваемой теме в качестве положительных примеров грамотной публикации источников можно назвать два сборника документов, подготовленных к печати и выполненных на высочайшем профессиональном уровне коллективом ученых под руководством лучшего советского источниковеда Пугачевщины Р.В. Овчинникова⁵.

Однако недостаточно источники грамотно опубликовать, их еще необходимо адекватно истолковать – в том духе, который был провозглашен А.С. Лаппо-Данилевским и его последователями. Речь идет, конечно, о тех случаях, когда массив опубликованных документов представляет собой достаточно объемный и репрезентативный комплекс данных по изучаемой проблематике, дающих возможность получать верифицируемые результаты. Непременным требованием в этом случае оказывается высокая методологическая оснащенность исследователя, его способность применять современные теоретико-познавательные стратегии.

⁵ Документы Ставки Е.И. Пугачёва... 1975; Емельян Пугачёв на следствии... 1997.

Для проверки вышесказанного обратимся к опубликованным судебным-следственным материалам по истории Пугачевского бунта, имея в виду, прежде всего, протоколы допросов его предводителей и рядовых участников. Здесь ситуация выглядит более-менее благополучно, по крайней мере, с точки зрения количества изданий, осуществленных преимущественно в советское время. Впрочем, имеются в виду, главным образом, материалы следствия над самим Е.И. Пугачёвым, поскольку даже его ближайшим сподвижникам «повезло» значительно меньше⁶.

Источниковедческая активность советских исследователей Пугачёвщины не должна вызывать удивления. Признав классовую борьбу движущей силой исторического развития, они именно ей стали уделять приоритетное внимание. В духе «марксизма-ленинизма» наиболее крупные народные движения XVII–XVIII вв. классифицировались как крестьянские войны – «высшая форма классовой борьбы при феодализме». Последней из них называлось восстание 1773–1775 гг., протоколы допросов участников которого также оценивались в антагонистической тональности. Например, историк В.М. Жижка по поводу показаний одного из пугачевских атаманов с сожалением констатировал, что «допрос Хлопуши не дает полного представления о той роли, какую он играл в движении. Она, безусловно, больше и значительней того, что показано в допросе. Оно и понятно: сам Хлопуша сознательно ее умалял и о многом умалчивал, а чиновники, записывая допрос, старались выпятить “разбойничью” сторону его деятельности»⁷.

Иначе говоря, советские историки изначально были уверены, что «протоколам присуща враждебная тенденциозность по отношению к Пугачёву, его соратникам и возглавленному ими восстанию»: «Они создавались в ходе следствия, в обстановке неравной психологической борьбы между следователем и подследственным. Первый, используя весь арсенал устрашения, вплоть до истязания и пыток, стремился, часто в ущерб истине, добиться показаний, усугубляющих вину и участь подследственного. А последний, стараясь избежать новых истязаний и спасая свою жизнь, пытался умалить собственную роль в событиях восстания». Результатом подобного источниковедческого подхода стало

⁶ Документы о следствии над Е.И. Пугачёвым в Яицком городке... 1966. № 3. С. 124-138; № 4. С. 111-126; Документы о следствии над Е.И. Пугачёвым в Симбирске... 1966. № 5. С. 107-121; Документы о следствии над Е.И. Пугачёвым в Москве... 1966. № 7. С. 92-109; Протокол показаний сотника яицких казаков-повстанцев Т.Г. Мясникова... 1980. № 4. С. 97-103; Протокол показаний С.Д. Пугачёвой... 1961. С. 39-40; Пугачёвщина. 1929. Т. 2.

⁷ Допрос пугачёвского атамана А. Хлопуши... 1935. № 1 (68). С. 164.

установление или уточнение многих конкретных сведений по истории бунта. Как процесс накопления первоначальных данных такая работа была необходимой и полезной. Однако здесь имелись и свои эвристические пределы, которые, видимо, зависели от интуиции ученых, по каким-то неведомым причинам вдруг решавших, что «сквозь эти наслоения, через пелену вынужденных показаний, сквозь штампы официозной фразеологии и терминологии отчетливо проступает подлинная история в том виде, какой запечатлелась она в памяти пугачёвцев; проступает реальный облик этих незаурядных людей, звучит их живая речь, их безыскусный рассказ о прожитой жизни»⁸.

Мотивы и критерии отбора сведений, относящихся к «подлинной истории», оставались при этом вне пределов самого источника. К тому же, накопление фактов зачастую превращалось в самоцель и значительно опережало их многогранное научное осмысление. За частоколом фактурных «героев» повстанческой борьбы никак не удавалось разглядеть живой облик обычных людей прошлого в их повседневной жизни. А вслед за распадом СССР, русское бунтарство практически перестало интересовать историков как естественная реакция ученого сообщества на гипертрофию тематики в советской историографии, поэтому редкие сегодня работы в основном выполнены в рамках традиционной парадигмы, методологические достижения последнего времени их практически не коснулись. Так, Р.В. Овчинников еще в середине 1990-х гг. был убежден, что «методика, выработанная в ходе источниковедческого исследования протоколов показания Пугачёва», может быть использована «при изучении протоколов допросов других вожakov Крестьянской войны <...> процесс исследования каждого отдельного документа этой группы требует сочетания общих, типологически сходных методических приемов с индивидуальным подходом, в частности, с подбором источников, позволяющим путем критического сопоставления установить степень достоверности следственных показаний в конкретном протоколе»⁹.

За последующие без малого двадцать лет немного изменилось в понимании задач и методик источниковедения русского бунта. Например, рассуждая о биографическом потенциале допросов пугачевцев, А.С. Майорова ставит уже известную нам проблему их достоверности, но раскрывает ее без априорно заданного прежде идеологического антуража. Она справедливо считает, что «лица, проводившие допрос, тоже были заинтересованы в выяснении подлинных фактов», хотя «на представите-

⁸ Овчинников. 1973. № 8. С. 98.

⁹ Овчинников. 1995. С. 4.

лей администрации полностью положиться нельзя – их интерпретация фактов зависела от разных обстоятельств; и излишнее служебное рвение, и возможность получения взятки играли здесь немаловажную роль». И все-таки, ссылаясь на имеющиеся примеры, историк приходит к выводу, что «материалы допросов в серьезных случаях могли быть проверены на самом высоком уровне. Поэтому любые ложные показания должны были находиться в рамках правдоподобия. В этом были заинтересованы и сами допрашиваемые, и представители администрации»¹⁰. Любопытно, что, обращая внимание на ключевой вопрос о нереализованных возможностях изучения показаний пугачевцев, А.С. Майорова не предлагает новых путей его решения, придерживаясь классических источниковедческих схем.

Понимание источников в социокультурном плане их выражения позволило сдвинуть дело с мертвой точки. В работах П.В. Лукина была обоснована, на наш взгляд, весьма перспективная методология подобного анализа: «Ведь нас интересует не столько то, говорил ли на самом деле обвиняемый те или иные “непригожие речи”, а сама возможность их произнесения. То, какие именно высказывания могли быть сделаны с точки зрения людей XVII в., уже достаточно свидетельствует об их представлениях»¹¹.

Очевидно, что очередные попытки изучения русского бунта императивно требуют учета новейших тенденций развития методики источниковедения и методологии истории. Впрочем, в ситуации, когда тема оказалась на периферии научных интересов, ее источниковедческие проблемы тем более не привлекают внимания. Едва ли не единственным исключением можно считать две небольшие работы О.Г. Усенко, посвященные интерпретации следственных материалов по делам о государственных преступлениях в России XVII–XVIII вв. Положительным моментом можно считать понимание им того обстоятельства, что «судебно-следственные материалы по своим формальным признакам являются нарративными (повествовательными) источниками <...> они, по сути, – сборники “историй” (небольших рассказов), описывающих конкретные случаи (казусы). Они сообщают о событиях, которые произошли или могут произойти в реальной жизни»¹².

Это их качество «сборника историй» вполне передают и опубликованные протоколы. Нельзя забывать, что в историческом источнике объективная реальность выступает сквозь субъективную призму взгляда

¹⁰ Майорова. 1999. С. 258.

¹¹ Лукин. 2000. С. 15.

¹² Усенко. 2005. Ч. 2. С. 20.

дов его составителя или автора. Тем более данное обстоятельство усиливается, когда речь идет о такой специфической разновидности, как «расспросные речи». В этой связи О.Г. Усенко обратил внимание на проблему взаимодействия «двух сознаний – следователей и подследственных. Если последние – выходцы из низших слоев общества, то речь уже идет о взаимодействии двух культур – “письменной” и “устной”, “элитарной” и “народной”». Поэтому, полагает он, «нужно следовать принципу “диалога культур”, который требует от исследователя осознания относительности привычных для него социокультурных норм и ориентирует его не на вынесение оценок “иному”, а на понимание и объяснение “чужеродного”»¹³.

В то же время, О.Г. Усенко нередко подходит к анализу судебно-следственных материалов с позиций строгого источниковеда, и это не всегда является оправданным. Он считает, что «нет, и не может быть универсальной исторической методологии – такой, которая в неизменном виде использовалась бы при изучении разнородных источников и для решения разных исследовательских задач»¹⁴.

Не соглашусь с категоричностью этого утверждения. В общеисторическом плане нет необходимости для каждого конкретного вида источников конструировать отдельную методологию. Считая источник фрагментом социокультурной реальности прошлого, полагаю, что в любом из них запечатлевается его родная эпоха в широком спектре проявлений, поэтому одни и те же источники должны изучаться с применением набора разнообразных познавательных «инструментов». Их выбор зависит от потребности данного исследования и квалификации исследователя. Понимая, что каждый метод обеспечивает только определенный ракурс видения прошлого, считаю, что именно их многообразие позволит рассмотреть его со всех возможных в данном случае сторон.

БИБЛИОГРАФИЯ

Источники

- Документы о следствии над Е.И. Пугачёвым в Москве // Вопросы истории. 1966. № 7. С. 92-109.
- Документы о следствии над Е.И. Пугачёвым в Симбирске // Вопросы истории. 1966. № 5. С. 107-121.
- Документы о следствии над Е.И. Пугачёвым в Яицком городке // Вопросы истории. 1966. № 3. С. 124-138; № 4. С. 111-126.
- Документы Ставки Е.И. Пугачёва, повстанческих властей и учреждений. 1773 – 1774 гг. / под ред. Р.В. Овчинникова. М.: Наука, 1975. 524 с.

¹³ Усенко. 2004. С. 369.

¹⁴ Усенко. 2005. Ч. 2. С. 19.

- Допрос пугачёвского атамана А. Хлопуши // Красный архив. 1935. № 1 (68). С. 162-169.
- Емельян Пугачёв на следствии: сб. док. и материалов / отв. исполнитель Р.В. Овчинников. М.: Языки русской культуры, 1997. 464 с.
- Протокол показаний С.Д. Пугачёвой на допросе в Ростовской комендантской канцелярии 13 февраля 1774 г. // Дон и Нижнее Поволжье в период Крестьянской войны 1773–1775 гг.: сб. док. / под ред. А.П. Пронштейна. Ростов н/Д, 1961. С. 39-40.
- Протокол показаний сотника яицких казаков-повстанцев Т.Г. Мясникова на допросе в Оренбургской секретной комиссии 9 мая 1774 года // Вопросы истории. 1980. № 4. С. 97-103.
- Пугачёвщина. Т. 2: Из следственных материалов и официальной переписки / под общ. ред. М.Н. Покровского. М.; Л.: Гос. изд-во, 1929. 496 с.

Литература

- Гуревич А.Я.* «Территория историка» // Одиссей: Человек в истории. М.: Credo, 1996. С. 81-109.
- Источникведение. Теория. История. Метод. Источники российской истории: учеб. пособие / И.Н. Данилевский, В.В. Кабанов, О.М. Медушевская, М.Ф. Румянцева. М.: РГГУ, 1998. 702 с.
- Лаппо-Данилевский А.С.* Методология истории. М.: Территория будущего, 2006. 472 с.
- Лукин П.В.* Народные представления о государственной власти в России XVII века. М.: Наука, 2000. 294 с.
- Майорова А.С.* Материалы допросов участников Пугачёвского восстания как биографический источник // Россия в IX–XX веках. Проблемы истории, историографии и источниковедения. М.: Русский мир, 1999. С. 256-258.
- Овчинников Р.В.* Следствие и суд над Е.И. Пугачёвым и его сподвижниками (Источниковедческое исследование). М.: ИРИ РАН, 1995. 272 с.
- Овчинников Р.В.* Сподвижники Пугачёва свидетельствуют ... // Вопросы истории. 1973. № 8. С. 97-101.
- Усенко О.Г.* Комплексная методология изучения судебно-следственных материалов по делам о государственных преступлениях в России XVII–XVIII вв. // Актуальные проблемы исторической науки и творческое наследие С.И. Архангельского. Н. Новгород: Изд-во НГПУ, 2005. Ч. 2. С. 18-25.
- Усенко О.Г.* Примерная стратегия интерпретации следственных материалов по делам о государственных преступлениях в России XVII–XVIII вв. // Народ и власть: исторические источники и методы исследования. М.: РГГУ, 2004. С. 366-369.

Мауль Виктор Яковлевич, доктор исторических наук, профессор кафедры гуманитарных и экономических дисциплин Нижневартовского филиала Тюменского государственного нефтегазового университета; VUMaul@mail.ru